

ОСЛЕПЛЕНИЕ

Самойлова разбудили голоса в соседней комнате. Двери были открыты и то, что говорила жена сына Дарья, он слышал отчётливо. Возражал или соглашался с ней сын, разобрать было трудно. Дарья не может успокоиться, её не остановишь.. Старая песня: книги заполнили всё пространство, в них копится пыль, они источник болезней, копить старые журналы глупо. А что делать, если он, Самойлов, не может и не хочет расстаться с «Новым миром», все номера за двадцать лет, его лучшие годы, пусть сейчас и смелее статьи публикуют и романы много откровеннее, но та проза, что была в журнале много выше и долговечнее. Астафьев, Абрамов, Солженицын... А критика? Одни статьи Лакшина чего стоят! И именно с этих номеров начали, не спросив согласия, выкинули из дома в мусоропровод, думали — не хватится старик. А Самойлов чётко помнил, где и что лежит. Книгу нужную мог отыскать с закрытыми глазами. Книги были дороги ему, словно рождённые в любви дети. Правда, и он не без греха, пару лет назад, когда ноги твёрдо держали, свёз три рюкзака книг на корабли. А то ведь в корабельных библиотеках пустота, называется корабль «Сергей Колбасьев», а книг этого писателя и в глаза не видели. Отдал — не жалко, для пользы дела. А сейчас просто так задумали выкинуть всё. Сын купил планшетку, вроде бы и удобная, лёгкая, можно лёжа читать и книг там умещается без счёта, и текст можно подсветить и можно шрифт увеличить, а всё равно казённое безликое чтение. От книг свой аромат исходит, подержать в руках, даже не раскрывая, великое удовольствие, а полистать так это просто истинное наслаждение. И главное они все сразу всегда с тобой, стоят на полках, корешок к корешку, читаешь названия, имена авторов, вспоминаешь каждую и не только содержание, но и как досталась. Это сейчас за деньги можно любую книгу купить, если конечно можешь себе позволить тысячи тратить, но для истинных любителей это суммы неподъёмные, а новым русским книги ни к чему, зачем им чужие переживания, у них свои заботы и свои истоки удовольствия.

За стеной его голос усилился, уже и не сдерживался. Говорил громко. Видимо, хотел, чтобы слова его были услышаны.

— Хорошо, я понимаю, нам тесно в одной комнате, ты права, я уговорю отца, в пансионате для ветеранов за ним будет нормальный уход, — согласился с Дарьей сын. — Надо только уговорить отца — избавиться от книг.

— Уговоришь его, — засомневалась Дарья, — этот псих и в гроб захочет книги взять. Сын засмеялся. Что-то сказал тихо. Потом внятно добавил:

— В гробу темно...

У Самойлова комок подступил к сердцу. Сколько сил вложено в сына, мать любила его до безумия. Большая любовь портит. Всё было дозволено. Была жива Анна, её стеснялся. Хотя она его и поддерживала всегда. Но тогда думали они, что это богатство — цены на книги росли. Сын понял, что книгу легко сбыть, подрастал, нужны были деньги на карманные расходы. Стали книги исчезать. Пришлось скандалить. Особенно, когда из собрания сочинений Лескова исчез том с романом «На ножах». Анна уговаривала: да не переживай так, будешь ли перечитывать Лескова, сам ведь говорил, что очень тяжеловесный слог, много устаревших слов. Но согласилась, что этим и ценен Лесков, что пространство языка расширяет. Всё-таки, университет окончила. С Анной было легче, самый родной человек. И книги она помогала доставать, подруга у неё в книжном магазине работала. Но были такие книги, что и подруга оставить не могла, по спискам из райкома выдавали. А подписку на собрания сочинений можно было только через обком оформить. Самое престижное было — иметь подписки. Сколько сил ушло, чтобы тридцатитомное собрание Достоевского получить. Грешен, даже за директоршей книжного магазина стал приударять. И все труды насмарку, когда из собрания отдельные тома исчезают. Грош цена этому собранию. Тогда сумел сыну объяснить, что это книжное богатство ему достанется, что сможет целых две «Волги» за библиотеку купить. Конечно, лучше было бы иметь сына, который тоже был бы книжником. Но что поделаешь, коли такой вырос. Надо было во время наказывать, всё жалел, не мог на сына руку поднять, да и Анна не дала бы. И вот плоды.

Самойлов встал, нашёл таблетку нитроглицерина, сунул под язык, прилёг и постарался подавить в себе обиды. Не выйдет у них, рано распорядиться книгами и его судьбой, он ещё может за себя постоять, надо только не волноваться, мало ли что могут говорить, без его согласия ничего не получится...

Ошибок в жизни много сделано, вот настояла Анна — сына прописали, хотя у Дарьи есть трёхкомнатная квартира, да ещё и загородный дом, хотела Анна, чтобы, когда нас не станет, легко мог квартиру на себя оформить. Хорошо бы, как в русских народных сказках: жили они долго и счастливо, и умерли в один день. Вот уже пять лет без неё. Кто бы мог подумать, что так поспешит она, послана ей была лёгкая смерть — ушла во сне. Вспоминать тот день страшно. Была бы жива, всё пошло бы по-другому. Хотя, для сына готова была сделать всё, да и внучки стали подрастать. Чего держаться за эти квадратные метры. Только куда денешь книги, для них ещё бы одна комната не помешала. Книги ведь и от разрыва спасли, было время, горячий был тогда, ходил в море на рыбацких траулерах, вернулся, заподозрил её, сосед был там такой кот, возможно и было что-то у них, сейчас понимаешь, рейс длинный — полгода, а тогда всё — психанул, чемодан собрал и хотел уходить, но посмотрел на книжные шкафы — этим богатством расстаться было невозможно. Так книги спасли семью. Анне об этом не говорил, чтобы не обижать, она сказала бы: книги тебе дороже всего. Но ведь и сама любила читать! Была бы сейчас жива, было бы о чём поговорить, поспорить, а с сыном и Дарьей говорить не чем, вот и внучек против настраивают. Старшей уже десять лет — всё понимает. Завела Дарья при ней разговор, мол, бабушка нас не любит, хочет жить как барин, один в трёх комнатах. Ему, видите ли, стены нужны для стеллажей с книгами.

Квартира в центре, удобная, вот внучки в школу уже пошли, в престижный лицей устроили, а он буквально напротив дома. Внучки — красавицы, старшая — копия бабушка, да и назвали Анной, вот подрастёт и будет продолжать жизнь на земле

любимая жена. Пытался приобщить внучку к поэзии, читал наизусть то, что помнил из Цветаевой, никакой реакции, любимый герой Гарри Потёр... Собственно и не было бы этих внучек, если бы не Марина Ивановна. Увлечение тогда было общее. И вот узнал, что у одной студентки, Анны с первого курса, было «Избранное» Цветаевой, тогда впервые на излёте хрущевской оттепели сумели издать. Искал с ней встречи. И сразу выяснилось — родственные души. Любовь вспыхнула. Томик тот зачитанный в истёртой синей обложке до сих пор стоит на полке среди других цветаевских книг, целая полка только её творения.

Как то Дарья спросила — зачем вам столько цветаевых, многое повторяется. Разве ей всё объяснишь, да и поймёт ли. Для таких, как она, книги вообще могут не существовать. Раньше в дальние поездки с челноками ездила, так никогда читать книгу в дорогу не брала, зачем, мол, лишний груз, лучше подремать. А ведь, когда с сыном была не расписана, до свадьбы, приходила в дом, казалось, нет ей ничего дороже книг. Все книги с любимой его полки перечитала. Также, как он, была в восторге от Канетти, его роман «Ослепление» прочла и Терезу осуждала, как она посмела влезть в доверие и библиотеку героя разорить. Сейчас, наверняка и не вспомнит об этом романе. Мало кто этот роман читал, а ведь нобелевским лауреатом Канетти именно за него стал.

Он поднялся, померил давление, вроде к нормальному приблизилось, вчера было почти двести, а теперь — сто восемьдесят, конечно большое, но не такое, чтобы паниковать. Прав был врач кардиолог. Сказал, когда приезжал со скорой помощью: советую вам давление не мерить, в ваши годы мерить давление, сдавать всяческие анализы, это только расстраиваться. Прав, конечно. Никуда от судьбы не деться, только бы ни слечь окончательно. Как книги защитить?

Всю жизнь, как пастух, оберегал их. Не только родной сын разорял. Гости — тоже особая статья. Друзья, студенты. Когда был книжный дефицит, жадно смотрели на полки, просили: дай почитать. Никогда не отказывал. Книга любит, когда её читают. Если листы чисты, а иногда не разрезаны, грош ей цена, таких книг в его библиотеке нет. Брала почитать и зачитывали. Всегда считалось книгу стащить — это не воровство. И он прощал, даже иногда рад был, что книга в хорошие руки попала. Теперь книжных воров не стало. Можно не следить за гостями — ничего не возьмут, конечно, есть первоиздания, но раритеты всегда стояли в закрытых шкафах, на свет не высовывались.

Разве раньше мечтали, что будет отдельная трёхкомнатная квартира, ютились по общежитиям, когда на запад страны приехали, начали с одной комнаты, от соседней отделяла дверь, была ещё дверь в общий коридор, ту дверь, что вела к соседям, сняли, и это дверное пространство перекрыли самодельными полками, на них и уместилась первая библиотека, книги привезённые из Питера, однотомник Хемингуэя, четырехтомник Гумилёва, изданный за рубежом — главное богатство, бумага серая, газетная, зато стихи! — и сейчас перечитывает! Достался странным путём, привезённый знакомым механиком из дальнего рейса и проданный за ящик водки... Полки быстро заполнялись. Книги самая надёжная звукозащита, что там у соседей, какие разговоры — не слышно. А в трёхкомнатной, казалось, места хватит не только для книг, но и для картин. Анна любила собирать картины. Сейчас большая пылится на шкафах. Для её любимых Боттичелли и Брейгеля — в спальне освободил пространство, раздвинул шкафы. И вот смотрит на него весна Боттичелли — самая красивая женщина в мире, и слепые бредут... Слепые вожди слепых... И как сказано в главной книге: если слепой ведёт слепого, то они оба упадут в яму... У Питера Брейгеля старшего, ещё безнадёжней, все шестеро

слепцы. Притча на все века. В Библии на всё можно найти ответ. Первая библия, которую достал, когда ещё у нас не издавалась она широко, была дореволюционного издания, переплёт кожаный, старинный шрифт, наверное самая ценная в его библиотеке книга, в руках тяжело держать, потом несколько купил — уже современных изданий. А та подарок от рыбмастера, которого спас, смыло его за борт, не раздумывая, бросился в воду, сейчас бы не смог, а тогда бесшабашный был, и такой период в жизни, что жить не хотелось, рейс почти на девять месяцев затянулся. Книги выручили, чудом в судовой библиотеке оказался Томас Вульф «Домой возврата нет». Вот и сейчас стоит на самом видном месте — не удержался тогда присвоил себе. Домой возвращались чартерами, специальные рейсы аэрофлота такие были, каждый килограмм веса на учёте, везли из инпортов подарки: джинсы, зонтики, мохер, жвачки... Но Анна больше всего обрадовалась этой книге...

Для неё дороже книги ничего не было, когда полки в магазинах опустели, с челноками наладилась ездить в Польшу за продуктами, там на границе тоже каждый килограмм веса на учёте, но обязательно хоть несколько книг, но привозила. Удивительно, что в Польше свободно можно было купить не только антисоветчиков, книги классиков наших на русском языке — любые и хорошо изданные.

Стал вспоминать Анну, первые встречи с ней, это всегда успокаивало, но томило предчувствие — добром всё не кончится. И боль слева тупая не отпускала. Надо бы заснуть, уйти от всего в спасительный сон, а лучше всего уйти во сне, это ли не подарок. И в то же время, если честно признаться, иногда боялся засыпать, а вдруг также, как и Анна, не проснёшься. А уйдёшь ты, конец и библиотеке... Есть и другой путь — сохранить, отдать в городской архив. Вчера такую идею высказал сосед, человек серьёзный и начитанный, раньше во всем поддерживал Самойлова, а теперь и его подговорили. Сказал, что может договориться, даже заплатят немного, заведующая архивом его хорошая знакомая. Когда сказал об оплате, Самойлов сразу насторожился, ведь это давняя дарьина песня — продать все книги оптом в какую-нибудь библиотеку или в архив. И людям польза, и целы будут, и сам сможешь пользоваться. Сказал соседу, что архив — это хорошо, надёжно, но он ещё не думает в ближайшее время покидать этот свет, вот когда почувствует, то согласится на передачу. А потом спросил соседа напрямую: тебя Дарья просила меня уговорить. По тому, как тот стал хмыкать, понял, что так оно и есть. Но ссориться не хотелось. Ни с соседом, ни с Дарьей.

В четыре часа Дарья, как обычно принесла обед, вернее, подвезла. Столик на колёсиках подарил капитан, с которым сдружился во время рейса в Баренцево море, северней некуда. Когда вспоминаешь, сразу холод подбирается со спины. Мойва тогда шла ежедневно. Да и лёд приходилось всё время окалывать. Нет уже капитана, истратился его организм. Он, Самойлов, в одном таком рейсе был, а у капитана такие рейсы подряд выпадали. Тут даже от одного рейса наследие — ноги почти не работают, застудил северный ветер, да только ли ветер, годы своё добавляют. В молодости всё легко переносится, кажется никогда не состаришься. Вот, Дарья, та действительно не стареет. Какая невестой была, такой и сейчас осталась. Хороший вкус у сына. Глаза чёрные, немного выпуклые, но всегда с искорками, и фигура почти идеальная. А что за оболочкой — разве разглядишь. И говорит всегда ласково, вкрадчиво, как лиса. И чем ласковей говорит, тем более надо насторожиться. А он и растаял. «Вот, Михаил Аркадьевич, сделала блинчики с мясом, как вы любите, и соком запивайте обязательно, сок купила полезный, гранатовый!» И улыбается широко. Стал благодарить. Она о внуках, об их учёбе. Девочкам тесно, каждой нужна своя комната.

Становятся большими, не заметишь, как заневестятся. Соглашался с ней, кивал. Не рассказывать же о том, какое в детстве место было, не то что отдельной комнаты, стола не было, уроки на подоконнике делал. Другое сейчас время, другие запросы. Когда увозила столик, сказала вскользь, что вечером будет гостя, которая хочет с ним побеседовать.

Вечером пришла представительная дама, одета с иголочки, декольте, волосы уложены в витиеватый узел, говорила вежливо, но настойчиво. Сразу видно, что привыкла командовать. Сначала о чём-то с сыном и Дарьей беседовала в другой комнате. Потом вошли к нему. Познакомились, дама оказалась заведующей областным архивом. Помнила многих общих знакомых. Говорила с восторгом о знаменитостях, о знатных капитанах, об учёных, писателях. Рассказывала, как многие сдали свои документы в архив, как оформлены их личные дела, как продолжают они жить, благодаря архиву, как приходят молодые учёные — пишут историю края, а личные дела — главное подспорье. Потом завела речь о библиотеке, скопленной в архиве, сказала, что в архиве теперь редкое и ценное собрание книг. И всё это благодаря дарителям, и на каждой книге есть отметка — кем подарена архиву.

Самойлов сразу понял, к чему эта дама клонит, но не перебивал. Нравилось, что человек влюблён в своё дело. А таких людей, преданных своей работе, он всегда уважал.

— Денег у нас почти нет для закупок, но мы всё-таки нашли возможность, некоторые документы и книги закупать. И даже целые библиотеки, — продолжала она, — Можем и вам заплатить.

Самойлов всё ждал, когда она это скажет, когда откроет суть визита. И вот — пожалуйста. И нетерпеливая Дарья, которая начала ёрзать на стуле, вступила в разговор. Сказала: случай упускать нельзя, это можно сказать, большая честь для вас, Михаил Аркадьевич, будете увековечены, люди будут читать в архиве книги и видеть, кто их даритель. И сын поддержал: можно будет и личные документы сдать, твои, отец, грамоты, награды, письма.

— Совсем голым меня хочешь оставить и памяти о жизни лишит, — не выдержал Самойлов.

— Как раз память о вас продлим, — сказала архивная дама.

— Мы тут опись книг составили, — сказал сын, — надо тебе, отец, только подписать.

Это уже был удар, которого Самойлов не ожидал, и когда они успели, по ночам что ли?

— Сумма получилась неплохая, — сказала Дарья.

Архивная дама подтвердила кивком и заулыбалась. Видимо, поняла, что всё решено.

— Вы извините, — сказал Самойлов, — я ничего ещё не решил, — и чтобы не слишком огорчать гостью, добавил, — мне нужно подумать.

В эту ночь он так и не смог уснуть. Решиться на расставание с библиотекой, видимо, всё-таки придётся. Да и вариант архива может не повториться. А книги без читателя — дело невозможное. Нельзя держать их взаперти. Перечитать их он уже никогда не сможет. Со временем его зависимость от сына возрастёт. Понимать это не хотелось, но такова реальность. Уже несколько лет соседи не заходят за книгами. Раньше каждый день кто-нибудь заглядывал. Теперь все обзавелись компьютерами и телевизорами.

Видеоряд — это не книжный ряд. Нет глубины. Но кому сейчас докажешь, что без книг может начаться вырождение. Все живут сегодня и сейчас. Человек всегда

идёт по линии наименьшего сопротивления, зачем напрягаться, читать, если тебе всё покажут и всё прочтут, или перескажут краткое содержание. И тогда Анна Каренина уложится в минутный рассказ. Лучше покинуть этот свет сейчас, чем увидеть общее одичание. Люди словно потеряли зрение. Не нужно никакой Терезы, сочинённой Элиасом Канетти, тебя и так окружают ослепшие. Права та начальственная дама, в архиве книги обретут вторую жизнь, не может быть, чтобы они не заинтересовали тех, кто привык искать истину на бумажных страницах. Тем более, что есть очень редкие. Вряд ли найдётся кто-либо в городе, у кого собраны все допросы декабристов, белые широкие тома, не уместившиеся на полке. Был период, когда увидел в этих дворянских мятежниках, героев. Собрал все тома. Есть царские дневники. Тяжело отдавать, но иного пути не видно. К утру решение созрело окончательно, правда, он решил оставить себе самые любимые книги. Стал отбирать. Это было так мучительно, так тяжело. Отдать полное собрание Толстого, доставшееся с таким трудом! Надо оставить хотя бы «Анну Каренину». Но разорвать собрание тоже не годится. Хорошо вспомнил, что есть отдельное издание, да к тому же иллюстрированное. Томик Хемингуэя в чёрной обложке, тот, что был приобретён в числе первых взять обязательно. Долго держал в руках алый трёхтомник Фицджеральда, остаться без «Великого Гэтсби» — ужасно, вспомнил, как читали с Анной вслух, как она восторгалась... Ещё и Роман Гари «Обещание на рассвете», эта небольшая книга стоит многих томов. Долго искал «Маленького принца» но вспомнил, что том с ним отдал внучке. С поэзией было ещё сложнее. Оставил томик Цветаевой. Успокоил себя тем, что стихи любимых поэтов знает наизусть. Стал шептать подряд и задремал...

Утром, когда зашли сын и Дарья, он уже не спал. Они увидели, что он укладывает отобранные книги в свой портфель и сразу поняли, что его не надо будет больше уговаривать. И чтобы, как-то утешить, сын сказал, что на освобождённые стены можно будет повесить картины те, что отец так любил. Помнишь, отец, ты так сокрушался, что ценные картины пылятся на книжных шкафах, теперь ты сможешь ими любоваться каждый день.

И действительно, на стены, освобождённые от шкафов, быстро укрепили картины, нашлось место и Питеру Брейгелю, и Боттичелли, конечно, копии, но исполненные так, что смотрелись лучше оригиналов. Поместились и дарёные картины, Самойловы дружили с местными художниками, не пропускали выставок, им дарили картины, некоторые даже приобретали, хотя и стоили картины намного дороже книг.

Дарья и сын действовали слаженно и быстро. И машина из архива пришла так скоро, будто она стояла у дома и только ждала сигнала. И грузчики в одинаковых чёрных халатах почти мгновенно всё вынесли. Сам процесс выноса книг не вызвал у Самойлова той горечи и взрыва злобы, который можно было ожидать. И дети, видя, что он не расстроен, были довольны. И потом внучки играли в его опустевшей комнате в шахматы, а он учил их правильным ходам.

Так продолжалось, впрочем, недолго, исподволь начались разговоры о престижном доме для ветеранов, где за каждым налажен постоянный уход и где лучшие врачи города. И что ему как ветерану рыбной промышленности положены особые льготы. Но здесь он уже решил не сдаваться, хотя и понимал, что уступив один раз, он вынужден будет уступить и ещё один раз. К тому же, в доме книги его уже не удерживали. Портфель с книгами можно было унести в любое место. И он пожалел, что отобрал так мало книг для себя...

НОЧНОЙ ЗАМЁТ

— Давай дадим другие координаты! — сказал мне капитан Тирхов, когда наше судно подходило к промыслу. Вид у него был заговорщицкий, чёрные волосы, словно крыло ворона, закрывали один глаз, вторым глазом он мне подмигивал. Я ничего не понял. Тогда он стал разъяснять мне, как капризному ребёнку: «Чего ты упрямисься! Согласись, что так будет лучше, так будет разумнее. Мы сообщим, что идём на сто миль севернее, что прибудем на промысел только через два дня». Я возмущался, я кричал, что не допущу обмана. Я был представителем конторы, которая старалась держать в узде даже таких капитанов, как Тирхов. Он был орденоносец, с ним носились как с писаной торбой. Я впервые шёл на промысел вместе с ним. Я не мог понять его. Он, оказывается, хотел остановиться и даже стать на якорь, чтобы избавиться от запасов вина. Сухое вино давали тем судам, которые работали в тропиках. В жаркие дни полагалось к обеду выдавать стакан вина. Для моряков это вино было, что слону дробина. Но, как объяснял мне Тирхов, именно в дни выдачи вина на судне появлялись пьяные. К этим дням матросы готовились заранее, загодя варили самогон из рыбной муки или ставили бродить соки, взятые на судовом ларьке. Выпив стакан сухого вина, они уходили в каюту и там добавляли самогона. Обвинить их в пьянстве было невозможно, ведь сам капитан выдал им вина. «А каково мне с пьяными идти на замёт!» — почти кричал на меня Тирхов. Я по-прежнему говорил нет. К вечеру против меня была настроена вся команда, я стал источником всех бед и меня охотно бы выкинули за борт, как библейского Иону, чтобы справить свой законный праздник — праздник уничтожения сухого вина. К утру я сдался, мы нашли мелководье и бросили там якорь, судовые двигатели смолкли. Господь послал нам тишайший и светлый день. Штилевое, глянцевое море расстелило перед нами свою ровную скатерть, на палубе был поставлен длинный стол и сюда же были вынесены все запасы сухого вина. Это было вино самых худших сортов. Чего ещё было ждать от наших снабженцев? Но вина было много. Думается, что если выпить такое количество воды, тоже можно запьянеть, а здесь хоть и малые, но все же были градусы. К тому же ярко светило солнце, подогревая сверху наши ещё незагорелые тела. Женщин на судне не было, поэтому сидели, кто в трусах, кто в майке, мочились прямо с борта и пели самые разухабистые песни. А потом плясали, да так что содрогалась палуба. А когда расплывающийся шар солнца нырнул в океан, и сразу стало темно, включили от аварийного движка прожекторы, и в их свете все происходящее стало казаться мне нереальным. Словно я видел чудный сон, где был зван на бал и, погруженный в тёплые волны, парил над паркетом-палубой, и вокруг меня вальсировали полуголые матросы, а кто-то ползал по палубе в поисках заветной туфельки. Моё сладкое видение прервал Тирхов, он растормошил меня и сказал, что у него есть одна прекрасная идея. Конечно, идея эта была в том, что надо поискать, где бы ещё добавить. Свои запасы водки он выпил ещё на отходе, я в рейс водки не брал, так что идея Тирхова оставалась ничем не подкреплённой и неосуществимой. Так думал я. Но не Тирхов. Недаром это был самый удачливый капитан нашего флота и самый изобретательный. Оказывается, он успел связаться по радио со своим корешем — капитаном такого же судна, который был на заходе в инпорту и, естественно, набрал там несколько ящиков боккарди. Понимаешь, сладко улыбаясь, говорил мне Тирхов, это ведь не сухарь, это сорок три градуса, только никому — ни гу-гу. Идём только вдвоём. В последний момент мне удалось уговорить Тирхова взять с собой ещё и матроса. Мы быстро спустили шлюпку-ледянку, молодой матрос молча дёрнул за шнур и завёл движок, и мы рванули в ночь. Я не понимал, как ориентируется Тирхов,

вокруг стояла такая мгла, что казалось шлюпка сейчас воткнётся в неё и застрянет. Но Тирхов нюхом чуял запасы боккарди. Уже минут через десять он кричал во тьму: «Вася, курва, отзовись, мы здесь, Вася!» И Вася отозвался, ибо тьму прорезал прожектор, и мы пошли по его лучу. И вот уже нас втащили на Васин корабль. И Тирхов стал обнимать Васю, а Вася, оказавшийся на две головы выше Тирхова, наклонился и чуть ли не плакал на плече друга. Вася был уже давно пьян. Но запасы у него ещё были. И он сопроводил нас в свою каюту, где не только стояли бутылки, но и лежали диковинные заморские фрукты. Тирхов, не закусывая, выпил подряд два стакана и сразу повеселел. Я только пригубил, я понимал, что должен остаться трезвым, мы ведь покинули свой пьяный корабль, никого не оповестив об этом. И теперь надо было как можно скорее вернуться. Между тем Вася вырубился и уронил голову на стол, а Тирхов выскользнул за дверь, пробормотав, что сейчас приведёт механика и что тот тоже его крепкий кореш. Прошло минут десять, я сидел в каюте и ждал. Какая-то нервная дрожь охватила меня. Я выбежал в коридор. Было совершенно темно. Хорошо, что я знал суда этого проекта почти наизусть. Я выскочил на палубу, прожектор освещал борт и прильнувшую к этому борту нашу шлюпку, в которой дремал матрос. Тирхова там не было. Я стал кричать, что есть силы: «Тирхов! Тирхов!» Никто не отзывался. Судно словно вымерло, вернее, все здесь были пьяны. Я спустился в камбуз, потом поднялся в кают-компанию, повсюду стоял сивушный запах, кругом были разбросаны бутылки, но людей не было. Я решил, что все покинули судно и почувствовал, как холодный пот прошибает меня. Я стал бегать от каюты к каюте и кричать — Тирхова нигде не было. Никогда я ещё не попадал в столь глупое положение. Совершенно случайно я распахнул дверь гальюна, и, о, чудо! — Тирхов был здесь, он мирно спал на толчке. Я стал тормошить его. Он очнулся и долго не мог понять, где он и что от него хотят. Мне пришлось волоочь его по палубе и спускать в шлюпку, я крыл его последними словами. Я окатил его водой, и теперь окончательно придя в себя, он точно вывел шлюпку к борту своего судна. Там тоже все спали. Силы покинули меня, я бухнулся на диван в своей каюте и сразу же погрузился в сон. Но спал я не больше часа. Громкие сигналы судового колокола разбудили меня. За дверьми слышался топот ног. Я быстро накинул куртку и поспешил в рубку. Судно наше несло на вираже, вымётывая кошелёк. Радист повис на моей руке, он чуть не плакал, он кричал: «Остановите его, это же безумие! Он пьян, люди пьяны! И ему вздумалось идти на замёт!» Я бросился к Тирхову, тот словно охотничий сокол был весь напряжён, он ждал добычу и готов был схватить её. «Образумьтесь! — закричал я. — Вы погубите людей! Здесь же отмель и сплошные рифы, вы порвёте сети!» Тирхов отмахнулся от меня как от надоедливой мухи. Сети уже начали стягивать, и он выбежал на палубу. Его действия были чётки и выверены. И следа похмелья не было на его лице. Я тоже выскочил на палубу. Рыба бурлила в сетях, словно в огромном котле. Прожекторы высвечивали эту пузырящуюся и вращающуюся живую массу. В кошельке было тонн двадцать чистой скумбрии. Нам не надо было идти в район промысла. Весь флот шёл к нам, шёл сюда на большую рыбалку, где удача ждала всех и где было так мелко, что, действительно, здесь пьяно было море по колено.

ВСТРЕЧА В «КАТАРСИСЕ»

Полосы проливного дождя встречались с волнами и гасили пену прибоя. Казалось, разверзлись хляби небесные, и не будет конца этому беснованию воды. Мы

с Линой успели ещё до начала сильного дождя скрыться в кафе «Катарсис», стоящем на краю променада. Здесь было тепло и уютно. Широкие стекла отделили нас от шумящего за окнами водоворота. Ветер бросал пригоршни воды на окно, и тогда по стеклу дождевые потоки стекали один за другим почти ровными рядами. Сквозь эти потоки смутно виделось беспокойное море и часть пляжа с потемневшем от воды песком. Мы заказали по рюмке коньяка, чтобы согреться. Был месяц май, курортный сезон ещё не начался, и в кафе почти не было посетителей. И только в дальнем углу, седоватый мужчина в свитере, изредка бросал на нас взгляды. На его столе рядом с кружкой пива лежала фуражка с крабом. И мы почему-то сразу определили, что это капитан. Конечно, его взгляды принадлежали Лине. На неё грех было не заглядеться. Русалочьи зеленые глаза он вряд ли разглядел, но вот то, как она умела плавно откинуть голову, поправляя причёску, он конечно увидел. У неё была лебединая шея и тёмные, спадающие на плечи волосы. Это тоже нельзя было не заметить. Последние годы мы редко выезжали к морю. Но мы всегда помнили, что море соединило нас и оно же, едва не поглотило в такой же дождливый майский день. Наверное, мы вспомнили об этом с Линой одновременно, и она спросила: какое сегодня число. И я ответил, что дата нашего спасения будет лишь завтра. Не имеет значения, сказала Лина, давай закажем ещё коньяка. Она всегда была противницей выпивки, но сейчас я хорошо понимал её. Официантка, почти девочка, в короткой юбке, длинноногая и улыбчивая тотчас исполнила нашу просьбу, и принесла не только коньяк, но и вазу с мандаринами и ломтиками лимонов. Догадливая, сказала Лина. Ты была тоже очень быстрая и сметливая, сказал я, если бы не ты, я так и остался бы в машинном отделении. А если бы не ты, сказала она, я ни за что бы не прыгнула за борт. Была такая холодная вода! Ты буквально столкнул меня. Давай, забудем об этом, сказал я, выпьем за тех, кто уже никогда не будет с нами, и забудем. Лина кивнула, и подула снизу вверх на чёлку, откидывая её со лба. Сказал ей — забудем, себе приказал — забудь, но невозможно распорядиться со своей памятью так, чтобы она стёрла прошлое. Ведь прошлое не исчезает, не растворяется в океанских водах, оно постоянно живёт вместе с нами в настоящем. Да и можно ли забыть тот рейс...

Мы возвращались из Атлантики мужем и женой, в тропиках нас расписал капитан, и вся команда траулера три дня и три ночи плясала на палубе, и врач, переодетый Нептуном и его помощники палубные матросы — черти, хватали всех подряд и крестили в рыбном чане, заполненном водой, перемешанной с рыбной чешуёй. Ах, как были все веселы и счастливы, и никто не мог даже подумать, что возможно, это его последний рейс. Лина была буфетчицей верхнего салона, а я был вторым механиком, и до этого нам приходилось таиться и скрывать свою любовь. Теперь же мы словно вновь родились, мы были безгрешны и счастливы. С трюмами, полными рыбы, мы возвращались в порт. Рыбы было слишком много. И было много рыбной муки, её мешки не вместились в трюмы и лежали прямо на верхней палубе. Стармех первым почувствовал неладное, траулер зарывался носом, двигатели надрывно пыхтели. Надо было бы скинуть за борт мешки с рыбной мукой, но кто бы пошёл на это. Лишать себя дополнительного заработка. Самого бы скинули. Нам оставалось до порта всего сутки перехода, мы шли уже проливами, уже пахло землёй. И никого поначалу не пугало усиливающее волнение моря. Потом порыв шторма сорвал закрытие слипа, вода стала гулять по палубе, нашла щели в рыбных трюмах, пробил путь в машинное отделение. Когда я заметил, что вода подступает к двигателям, бросился включать насосы, но было уже поздно. Траулер резко накренило на левый борт. Можно было ещё спасти судно. Как потом рассказывали, капитан отказался

давать сигнал бедствия, он даже не ответил на запрос, идущего в полумиле от них голландского сухогруза. Понятно, что капитан все ещё надеялся сам выкрутиться, его считали везунчиком. Если бы спас иностранный корабль, новые хозяева тралфлота капитана бы не пощадили. Был ещё один путь спасения — идти полным ходом к берегу, тонуть или опрокинуться на мели. И это не было сделано. Я тогда всего этого не знал, я знал одно, без команды не имею права покинуть машину, заглох главный двигатель, но ещё работали вспомогачи. И когда и они задохнулись, осталось только журчание воды, заполняющей машинное отделение, я услышал отчаянный женский крик: Саша! Саша! Это была она, она отказалась покидать траулер без меня. И когда я вылез на палубу, там уже почти никого не было. Нос траулера высоко задрался вверх. Крен был так силён, что удержаться на ногах было невозможно. Мы обняли друг друга и так вместе покатались к борту. Была беззвёздная ночь. Где-то внизу были слышны отчаянные крики о помощи. Это потом я узнал, что перевернулась шлюпка с людьми. Надо было прыгать за борт. Успеть, пока корабль не ушёл под воду. Ещё мгновение и конец. И тогда втянет в водяную яму, оставленную тонущим кораблём, прыгай, закричал я Лине, она мёртвой хваткой вцепилась в леера. Я разжал её пальцы, и с силой толкнул вниз, и прыгнул следом. Холодная вода обожгла, словно кипятком. Рядом тонули люди. Мне надо было спасти ту, единственную, без которой я не мыслил дальнейшей жизни. И мне повезло, сначала рядом со мной оказался спасательный круг, потом удалось различить среди тонущих Лину, за волосы втянуть в этот круг, привязать к кругу. И тут случилось то, что не рассказывал даже Лине. За спасательный круг ухватился пожилой матрос из бригады рыбообработчиков, его звали Максим, он был очень доброжелательный и постоянно улыбался. Это все отняло море, его расширенные глаза, его крики, его кровоточащий приплюснутый нос часто видятся в страшных снах. И его крик: помоги! Спаси! Мне перебили руку! Максим схватился за круг, стал тащить Лину. В этот момент, пришлось с силой ударить его. Возможно, Лина, все это видела, возможно, ещё была в сознании. Но никогда ни словом не обмолвилась. Она была без сознания, когда нас втащили на борт датского буксира. Я тоже плохо тогда соображал.

— Ты о чем задумался, смотри, коньяк ещё не выпил, у тебя полная рюмка, — сказала Лина. И потом спросила, не о том ли, как мы тонули. Нет, что ты, мы же договорились забыть. А ты знаешь, сказала она, такое не забывается. Помнишь Юру? Я кивнул. Как не помнить этого весельчака, как он пел, с хрипотцой, как Высоцкий, он тоже спасся. Юра рассказывал, что удалось спустить единственный плотик, что туда набилось человек двадцать, а тех, кто пытался влезть, эти люди били вёслами по рукам. Как это ужасно! Я не хотел объяснять ей, что если бы в плот забралось слишком много людей, он перевернулся бы. Я не хотел говорить о том, что человек иногда не волен в своих поступках. Да, всякое бывает, согласился я и стал говорить о том, как очередной отпуск мы не станем проводить на Балтике, слишком холодное здесь море, поедем на Адриатику. Она согласилась со мной, даже обрадовалась. Мы стали думать на кого оставить нашего кота. Кот был её любимцем. Возьмём его с собой, ведь без нас он пропадёт, — сказала Лина. Можно и так, согласился я, хотя возни много, нужно документы на него оформлять, специальную клетку делать...

В это время к столу нашему морской развалистой походкой подошёл единственный посетитель кафе. Лицо его показалось мне знакомым. Приплюснутый нос, такой нос мог быть только у одного человека. Могу я выпить с вами, сказал он. Конечно, согласилась Лина. Он принёс из буфета бутылку коньяка. Это лишнее, сказал я. Мы торопимся. Нет, Саша, нам все равно надо пересидеть дождь, сказала

Лина. Смотри, за окном уже посветлело, сказал я. Мы выпили молча. Потом за тех, кто в море. Как я и догадался сразу, это был бывалый мариман, правда, ещё не капитан, но штурман. Мы говорили о том, как разбазаривают наш флот, и ещё о том, что стало выгодней ходить на заграничных судах. Там, тоже не сахар, сказал наш собеседник. Я пристальней всмотрелся в его лицо. Неужели это Максим? Как это выяснить. Позвольте, сказал я, представлю вам свою жену, она тоже морячка. Это Лина, сказал я, он привстал, поцеловал ей руку, но не назвал своего имени. И тогда я спросил его напрямую: вам приходилось тонуть. Бог миловал, ответил он. Ничего нет страшнее кораблекрушения. Люди теряют голову. Тонут не от того, что нет путей к спасению, а от того, что не могут ничего сообразить. Потом каются, а делать этого не надо. Море есть море. Он говорил правильные слова, но мне тяжело было его слушать. Шум дождя стихал, сквозь тучи уже проглянуло солнце, из окон кафе оно не было видно, но потому как посветлела вода, это можно было угадать. Я рассчитался с официанткой и стал торопить Лину. Наш собеседник остался сидеть за нашим столом. Мы распрощались, он протянул мне руку, я почувствовал при рукопожатии, что пальцы его не сгибаются. Я поспешно вышел из кафе, ощущая на спине его пристальный взгляд...